

Светлана Алешина

Барышня-воровка

*Часть сборника
Барышня-воровка (сборник)*

Светлана Алешина
Барышня-воровка
Серия «Театр одной актрисы»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972532

Алешина С. В. Барышня-воровка. Госпожа на побегушках: Повести.

Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09893-3

Аннотация

Потомственного дворянина Владимира Светлинского несправедливо обвиняют в убийстве собственной жены. Безработная актриса Софья Невзорова берется спасти его от тюрьмы. Подозреваемых – целый список. Как же добиться от них правды? А что, если попробовать чудо покаяния? Софья является к одной из подозреваемых, Надежде Верящей, ночью в костюме ангела. И ничего, что чепчик с дыркой предательски сползает на лоб да и пыльные крылышки болтаются на честном слове. Зато пушистые тапочки сверкают девственной белизной и голос в ночи звучит убедительно глухо. И вот уже дитя порока, дрожа от страха и благоговения, истово кается во всех мыслимых грехах. А Софье только того и надо... Но блудница оказывается невиновной, и расследование продолжается...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Светлана Алешина

Барышня-воровка

Пролог

Лунная дорожка пролегла через Волгу, внезапно обрывалась где-то у противоположного берега. Слева скелетом динозавра мрачно возвышался мост, соединяющий Тарасов и Покровск.

«Мост в никуда...» – тоскливо-философски подумал Владимир Светлинский, и ему страшно захотелось выпить. Хотя бы портвейна, как в старые добрые времена, когда он еще числился студентом театрального училища. «Нет! – тут же отрезал Владимир. – Никакого алкоголя! Если бы тогда... Не буду больше пить! Попробую начать новую жизнь...»

Да, сегодня он был трезв, впервые с тех пор, как его выпустили из милиции под подписку о невыезде. Ну, почти трезв. По телу еще периодически прокатывала похмельная волна. Крайне неприятное ощущение!

«Набережная... Сколько здесь было хорошего! – на Владимира накатила ностальгия. – Ну, не только, конечно, случалось и по морде получать, но все это – такие пустяки! Теперь-то уж ничего не вернуть».

Мысли потомка дворян возникали и переплетались са-

мым хаотическим и нелепым образом. Владимиру вдруг страшно захотелось, чтобы время повернулось вспять. Он даже готов был сейчас получить от кого-нибудь по морде, если бы это помогло вернуться в прошлое. Но чудес, как говорится, не бывает.

Внезапно Светлинским овладело отчаянное раскаяние. Как он старался доказать себе, что ни в чем не виноват, что на все воля божья и что вообще мысли его по большому счету – похмельный бред! Но подсознание в упор не хотело принимать, казалось, веские, логически обоснованные доводы.

«Это судьба! – в отчаянии подумал Владимир. – Всю жизнь посвятил тому, что играл в театре трагедии, и в конце концов сам стал невольным участником одной из них, только в действительности». «Вся наша жизнь – театр, и все мы в нем актеры», – неожиданно вспомнилась цитата классика. Каким же несправедливым показалось в ту секунду Владимиру мироздание! Ему захотелось уйти из жизни! «Брошу театр», – твердо решил Светлинский. Из жизни он уходит, конечно, не стал, так как все же оставался вполне здравомыслящим человеком. Помогали, наверное, и визиты к психиатру, которого он посещал последние дни.

«Эх, знал бы я, кто написал эту проклятую пьесу, которая называется «Моя жизнь»!» – в гневе сжал кулаки Светлинский и обратил взор к небесам. Однако тут же к нему пришло осознание, что господь бог – всего лишь директор театра, а конкретные пьесы ставит режиссер-постановщик, коим яв-

ляется сам человек. Странно, но в тот момент, когда Владимир перестал испытывать раскаяние по поводу того, что отмечал встречу с одноклассниками в неподходящий момент в неподходящем месте, и слишком бурно, подсознание его успокоилось. Он уверенно зашагал прочь с набережной, размышляя о том, насколько свежей будет его голова наутро, когда он явится в театр за расчетом.

Глава 1

Софья Невзорова медитировала, но никак не могла сосредоточиться. Она занималась медитацией, чтобы хоть немного отвлечься от мирской суеты. Восточные благовония распространяли расслабляющий аромат. Соне вспомнилось, что в Китае в состав палочек для медитации входит, помимо всего прочего, опиум. «Какая пошлость! – возмутилась про себя Сонечка. – Вспоминать сейчас о проблеме борьбы с наркотиками!»

Соне удалось-таки сосредоточиться на собственном Атмане. На этот раз она решила остановиться на медитации Смысла, которая в первой своей фазе, помимо всего прочего, предполагает интенсивную работу разума. Быть может, на этот раз ей удастся постичь Смысл? «А что это такое вообще? – спросила себя Соня. – Вот что имеет смысл для меня? Устроиться в театр, и чтобы меня непременно взяли на достойную роль. Но имеет ли это смысл, скажем, для соседа двумя этажами ниже, дяди Васи? Скорее, для него больше важен червонец, на который в ближайшем киоске можно приобрести чекушку спирта. Или вот для меня имеет смысл приворожить Олега Рыбака. А для моей бывшей коллеги по работе в театре, Люды Жульской? Рыбак ей никогда не нравился. Она его всегда презрительно называла «мусором», чем вызывала у меня страшную обиду. Поэтому я не любила

ее. А Володя Крадов, тоже актер, очень даже любил Люду. Так имеет ли тогда смысл любить Люду или не любить?»

Древние индийцы говорили, что не имеет, так как все это – Сансара. Но они стремились достичь Нирваны, а раз стремились, значит, видели в этом смысл. Тогда для того, чтобы достичь Нирваны, есть смысл понять, что в дилемме «любить Люду или не любить» нет никакого смысла. Однако постигаем мы это через ту же дилемму. То есть в Сансаре есть смысл!

«Значит, смысл есть во всем, и когда я это пойму, то познаю Нирвану!» – продолжала размышлять Соня, вдыхая таинственный запах, исходящий от дымящейся палочки.

Ей вспомнились слова из песни Бориса Гребенщикова: «А если поймешь, что Сансара – Нирвана, то всяка печаль пройдет!» В этот миг Соня наконец постигла давно вызубренную истину, что Атман, то есть чувство собственного «я», у нее ничем не отличается от Атмана всех живых, да и неживых существ в мире, включая сам Абсолют, и это единственное, что вечно и постоянно, а все остальное – преходяще и изменчиво и потому бессмысленно.

И тут до ее уха донесся скрип, смысла в котором актрисе отыскать не удалось. «Сансара!» – с грустью подумала Соня и открыла глаза. Ароматическая палочка почти истлела. Дверь в обитель медитации была приоткрыта. В комнату въезжала на инвалидном кресле мама. Со стороны гостиной доносился режущий уши, никак не сочетающийся с Путем

Просветления звук. Отчаянно трезвонил телефон.

– Наверное, тебя, Сонечка! – ласково сказала Маргарита Ярополковна.

– Иду, мама, иду, – грустно вздохнула Софья, которая уже полностью осознала, в чем смысл того, что произошло. Если бы не телефон, быть может, ей удалось бы на этот раз достичь Нирваны.

Софья сняла трубку.

– Алло!

– Сонька, Сонечка, как давно с тобой не разговаривала! – затараторил прямо в ухо женский голос. – Ты не представляешь, сколько всего произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз! Представляешь?

– Нет, не представляю, – ответила Софья, мучительно размышляя, с кем ей выпала честь общаться впервые за долгое-долгое время.

– Моя собачка наконец получила медаль! – радостно сообщила собеседница.

– Счастлива за твою собачку. Извини, но я никак не соображу, с кем я разговариваю?

– Да Люда это, Люда!

– Какая Люда?

– Люда Жульская.

– Ой, а я о тебе как раз только что вспоминала!

– Что, правда? То-то я смотрю, икота на меня напала! Есть, значит, какое-то зерно истины в народных приметах?

– Быть может. Честно говоря, я ожидала звонка от кого угодно, но никак уж не от тебя.

– Как поживает Рыбак?

«Интересно, а его икота миновала или нет?» – мелькнуло в голове у Сони. Вслух же она сказала:

– Давно его не видела. Так что свежими новостями не могу похвастаться...

– Ладно, черт с ним! – У Сони от этих слов все застыло внутри. – Я тебе, на самом-то деле, не просто так звоню. Хочу сообщить кое-что важное!

– Да-а?

– Точно! У нас тут в театре, похоже, вакантное место нарисовалось. Если хочешь, ты можешь...

Сердце Сони на мгновение остановилось. Воображение живо нарисовало картинку. Левая рука Софьи клонится к сцене от тяжести несметного количества цветов. Правая продолжает принимать букеты от нескончаемой вереницы поклонников. И все это под оглушительный грохот аплодисментов.

– ...Если не одумается, то сопьется, – заключила Люда.

– Кто сопьется?

– Как «кто»? Светлинский, конечно!

– Какой Светлинский?

– Да ты вообще слушаешь меня или нет?!

– Извини, я на секунду призадумалась.

– Светлинский Владимир. Актер, который увольняется,

место которого ты можешь занять.

«Уж от кого-кого, а от Люды я помощи никак не ожидала, – думала Соня. – Никак чудеса просветления?»

– А этот Светлинский, он что, из-за запоя увольняется?

– Да нет, что ты! Горе у него. Да черт бы с ним! Ты лучше подъезжай, я тебе лично обо всем расскажу.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Ясно. Ну тогда – до встречи!

– Пока.

Соня повесила трубку и хлопнула в ладоши от радости. Неужто все-таки сбывается ее давнишняя мечта вернуться в театр? Неужели снова ей предстоит появиться на сцене в одеянии какой-нибудь прекрасной матроны времен гладиаторов или же в образе... скажем, восточной царицы... Да кем угодно! Все! Больше раздумывать Софья Невзорова не стала. Она спешила в свою комнату. Одеваться и напрямик – в театр!

* * *

В фойе Соня увидела какое-то противоестественное столпотворение. Люди сустились, сновали, о чем-то переговаривались. Девушка озиралась по сторонам, надеясь разглядеть в толпе Люду, и ничего не могла понять. Но тут, наконец-то, появилась Люда.

Если бы Соня не знала совершенно точно, что Жульская – актриса, она наверняка приняла бы ее за представительницу другой, самой древней профессии и решила бы, что место работы ее на улице Большая Казачья. Однако, к счастью, Люда была всего лишь актрисой. Впрочем, это тоже достаточно древняя профессия.

Описать Жульскую очень легко: крашеная блондинка. Косметика на лице напоминает грим клоуна. Бюст – как у Верки Сердючки. Ниже – шестьдесят на девяносто. Одним словом, все путем.

– Сонечка! Сонечка! – завизжала Люда и бросилась обнимать бывшую коллегу. – Слава богу, ты пришла!

– Почему это вдруг «слава богу»?

– Театр пропадает без тебя! Ты даже не подозреваешь, какую роль тебе собираются предложить!

– Какую же?

– Роль в шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта»!!!

«Наверное, роль какой-нибудь служанки третьего порядка, – с грустью подумала Софья. – Откажусь». Но Люда опровергла ее догадки.

– Самую главную роль! – сообщила она. – Главное быть просто не может! Ты понимаешь, о чем я? – последние слова были произнесены таинственно-вкрадчивым тоном. При этом Люда заглянула Соне в глаза с видом сатаны-обольстителя.

– А директор театра знает обо мне?

– Конечно, о тебе все знают, и все тебя ждут не дождутся!

Соня оглянулась на мельтешащих вокруг людей. «Уж не меня ли они ждут?» – иронично усмехнулась она.

– А что это тут за вавилонское столпотворение? – спросила она вслух.

– Как, а ты не помнишь? Сегодня же день зарплаты!

– Ах, ну да, – удивляясь разочарованию в собственном голосе, протянула Соня. – Совсем запамятовала.

Но Люда уже тянула ее за руку.

– Пойдем! Пойдем! К Виктору Андреевичу!

– У вас новый директор?

– Точно! И он, наверное, уже все пальцы себе переломал...

– Ты это о чем? – удивилась и даже немного испугалась Соня.

– Ну, Виктор Андреевич очень нетерпеливый. И когда он кого-нибудь ждет, то имеет нехорошую привычку заламывать пальцы. Пойдем!

Люда еще раз дернула Соню за руку.

Виктор Андреевич восседал в своем кресле с безмятежностью Будды и действительно ломал пальцы. Во всяком случае, было очень похоже на то.

– Здравствуйте, Виктор Андреевич! – отрапортовала Люда. – Вот она перед вами, Софья Карловна Невзорова!

Директор вскочил с кресла и сложил ладони на манер йога. Было, было в нем что-то такое... Дух Гималаев! Может

быть, в прошлой жизни он и правда был каким-нибудь ламой, духовным учителем, а потом наработал чудовищную карму и перевоплотился вот в такого нелепого персонажа.

– Софья Невзорова! – театрально произнес он. – Я столько слышал о вас!

Макушку Виктора Андреевича украшала обширная лысина. Остатки волос были седыми.

– Правда? – иронично отозвалась Соня.

– Чистейшая! И если вы откажетесь от роли, которую я мечтаю вам предложить, то нанесете мне такой тяжкий удар по сердцу, что едва ли я сумею оправиться, – директор закатил глаза.

Софья улыбнулась.

– Что же это за роль? Я, конечно, догадываюсь, но неплохо было бы уточнить.

– Главная роль в шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта».

– Так, значит, вы имеете в виду роль Джульетты?

– Главное!

– Не представляю, какая роль в этой трагедии может быть главнее роли Джульетты. – Соня насупила брови.

– Как? А роль Ромео?

– Что-о-о?!

Соня не поверила своим ушам и даже незаметно ущипнула себя, дабы убедиться, что это не сон.

– Да, да, да, моя дорогая! Я предлагаю вам сыграть Ромео!

– Но я ведь женщина!

– Ничего страшного! Загримирuem вас под юношу. Воло-сы соберем в хвост, облачим в мужской костюм...

– Но все равно это будет выглядеть как-то нелепо... У меня черты лица женские!

– Это чепуха! – уверенно заявил Виктор Андреевич. – Есть такая наука – физиогномика. Черты лица отражают внутреннее состояние человека. И наоборот, соответственно, внутреннее состояние человека отражается на чертах его лица. А вы ведь актриса! Вы должны уметь перевоплощаться, а значит, изменять свое внутреннее состояние. Подбородок вперед, зубы стиснуть, брови к переносице – вылитый волевой молодой мужчина.

Соне показалось, что над ней издеваются или пытаются оскорбить.

– В крайнем случае можно приклеить вам над губой усы, – добавил Виктор Андреевич.

– Но у меня голос женский! Высокий! Вы слышите?

– Слышу. У вас прекрасный, восхитительный, непередаваемо звонкий голос. Но вы ведь можете говорить чуть грубее, чем обычно! И к тому же вспомните сюжет! Ромео совсем юнец! Подросток! Вы когда-нибудь видели подростка с низким голосом?

– А вы когда-нибудь видели подростка с высоким голосом, у которого успели отрасти усы? – съязвила Соня.

– Нет, – признался директор. – Ладно. Усов не будет.

Софья уже твердо решила, что не будет ничего, так как это авантюрное предложение она принимать не собирается.

– Знаете, меня ваши условия не устраивают!

– Сонечка! – внезапно Виктор Андреевич театрально упал на колени и протянул к актрисе руки. Соня, не ожидая такого выплеска чувств, чуть было даже не изменила своего решения. – Вы убиваете меня! Мы готовились к этому спектаклю больше полугода! Мы уже несколько раз объявляли о премьере, но она так до сих пор и не состоялась. А все потому, что актер, который должен играть Ромео, отказался с нами сотрудничать по причинам личного характера. Но узнали мы об этом только сегодня. Поймите, Сонечка! Премьеру надо делать срочно! Где я еще буду искать более или менее подходящую замену, вроде вас? И это при условии, что отрепетировать роль требуется в чрезвычайно короткий срок!

Софья Невзорова почувствовала, как внутри все вскипает. «Более или менее подходящую замену»? Да как они смеют говорить о ней «более или менее»?! Она настоящая актриса, пусть и не прима, но и не какая-нибудь там заштатная! А ей пытаются впихнуть роль, которую надо отрепетировать абы как, лишь бы была проставлена галочка, только потому, что внезапно стало известно, что прежний актер уволился! К тому же роль совсем ей не подходящую!

– Нет! – пафосно воскликнула Соня, и ответ ее прозвучал гневно и грозно, низким голосом, почти как у Ромео.

– Сонечка!!! – завизжал Виктор Андреевич.

Софья развернулась как бравый солдат и зашагала к двери, твердо чеканя шаг.

– Ты спятила! – недоуменно-раздосадованно закричала Люда, но актриса уже покидала кабинет директора театра.

В вестибюле Соня немного поостыла. Она подумала, что некрасиво поступила с подругой, особенно учитывая тот факт, что ее Атман и Атман Сони – одно и то же. А посему Софья решила подождать Люду, пока та покончит с разъяснениями директору причин произошедшего конфуза, дабы признаться подруге в братской любви, объединяющей все живые существа во Вселенной. Софья присела на один из расставленных вдоль стены стульчиков.

И тут внимание ее привлек статный молодой человек, сидевший рядом и читавший газету. Высокий широкоплечий блондин с арийской формой черепа и щетиной викинга. Глаза цвета моря были словно подведены вокруг косметической тенью. Потрескавшиеся губы. Вокруг витал назойливый запах перегара. Все это позволило Соне дедуктивным методом прийти к выводу, что мужчина находится в состоянии хронического запоя.

– Да, у меня запой! – словно прочел ее мысли блондин.

– Я совсем не то подумала, – смутилась Соня.

– Ах, так вы, наверное, подумали: как прекрасно ты выглядишь, парень! – съязвил странный молодой человек.

– О нет, мне просто показалось, что вы несколько не вписываетесь в этот интерьер... – начала было оправдываться

Соня и осеклась, осознав, что сморозила глупость.

– Я не вписываюсь?! – вскипел блондин. – Да если хотите знать, я тут четыре года проработал!

– Кем?

Почему-то Соне подумалось, что сейчас мужчина назовет профессию уборщика или плотника.

– Актером!!!

– О-о! Везет вам.

– Уже нет. Сегодня я уволился.

– Так вы тот самый актер, который должен был сыграть Ромео?

– Именно! Владимир Светлинский.

– Красивая фамилия.

– Досталась от дворянских предков.

– У меня в родословной тоже что-то такое имеется, – сказала Соня и протянула Светлинскому руку. – Софья Невзорова.

– Очень приятно.

– А почему вы решили уволиться? Зарплата маленькая?

– Если бы! Я искупаю свою вину перед богом.

– Вину перед богом?

– Да. Я женился не по любви, и бог меня наказал.

– Каким образом?

– Мою жену убили.

– Какой ужас!

– Это как посмотреть. Знали бы вы, какой ужас был жить

с ней!

– Она была такая злая?

– Злая и страшная. Как атомная война.

– А вы уверены, что это именно божья кара?

– Да. Потому что милиция подозревает меня. Они шьют мне дело. И если я не докажу обратное... К тому же они заставили меня действительно испытывать чувство вины, хотя я ни в чем, собственно говоря, не виноват. Ну не уследил немного... Так что, я должен был за этой бегемотихой всюду носиться, исполняя роль ее тени?

– Но вы на свободе, – заметила Соня.

– Только потому, что у меня есть алиби.

Соне вдруг стало необычайно интересно. В ней вновь проснулась та часть ее существа, которая любила поиграть в частных детективов.

– А вы не расскажете поподробнее свою историю? – спросила она у своего нового знакомого.

Светлинский сложил газету.

– Расскажу. Почему же нет? Может, вы сумеете дать мне дельный совет?

Соня ничего не ответила, но глаза ее ясно выражали, что она – вся внимание.

– Да, собственно говоря, рассказывать-то и нечего, – махнул рукой Владимир. – Пригласили меня на встречу однокашников. Напился я там. Пришел домой под утро, со своим другом Анатолием. А жена дверь изнутри на засов заперла,

как обычно. Бойтся она одна спать. Мы стучимся, оба пьянющие, а она не открывает. Ну, мы, недолго думая, дверь и взломали. Проходим в квартиру, а женушка в постели валяется. Я над ней измываться начал, называть непристойными словами, предъявлять претензии к ее негуманному отношению к свободному творческому человеку. Понимаете, когда я пьяный, я смелый...

Светлинский призадумался.

– А жена что на это? – не выдержав, задала вопрос Соня.

– В том-то и дело, ничего. Никак не реагировала. Я ее тормошить начал, а она словно делает вид, что умерла. Она на самом деле умерла, но я тогда думал, что только делает вид. Я ведь пьяный был. Тогда Анатолий посоветовал по-другому пробудить ее к жизни. Он ведь тоже нетрезвый был. Он порекомендовал мне поцеловать ее в засос, а когда она расstroгается и пошевелится, обматерить. Я ведь не знал тогда, что она умерла!

– Все ясно. Продолжайте.

– Ну, я и попытался это сделать. Смотрю, а губы-то – закоченевшие! Смотрю на шею, а там полоса синяя, и все тело тоже, неестественного какого-то цвета. Вот тогда у меня шок и случился. С тех пор психиатра посещаю. А жену мою задушили. Модным бюстгальтером, который она незадолго до смерти себе купила. Даже ни разу надеть не успела. Жалко было. Вот он все у кровати и лежал. Наверное, первое, что убийце под руку попало.

Софья покачала головой.

– Какой кошмар!

– Это еще только начало. С тех пор, как мой дом впервые посетили работники правоохранительных органов, сплошным кошмаром стала вся моя жизнь.

– Вас сразу взяли?

– Ну как сразу? Мы сначала милицию вызвали, они приехали, сказали, что, мол, все ясно, ну и забрали нас.

Софья поморщилась.

– Понятно.

– Но знаете, был один таинственный момент во всем этом деле, – продолжал Светлинский.

Соня с любопытством вскинула брови.

– Как преступник мог покинуть квартиру на девятом этаже, если дверь была изнутри заперта на засов?

– А окно? Окно было открыто?

– Только форточка. Мы летом форточку всегда открытой оставляем. Только рамы с сеткой от комаров изнутри вставляем. Теоретически, конечно, можно раму внутрь продавить, в квартиру проникнуть, преступление совершить, а потом каким-нибудь необыкновенным образом, уходя, обратно вставить. Да только попробуйте все это проверить на высоте девятого этажа! Да вы к этой форточке и не подберетесь! Вы бы видели стену в том месте! Выступы есть, но такие узкие, что человек за них не зацепится! Вот это все, кстати, нам в милиции и предъявили. На том, собственно

говоря, обвинение и строится. Потому с нас и не снимают подозрение, несмотря на алиби. Говорят, дело, конечно, запутанное в любом случае, но проще разгадать тайну нашего алиби, чем тайну мистического проникновения преступника в квартиру. Тем более у меня были мотивы.

– А какое у вас двоих было алиби?

– Дело в том, что, пока мы с Анатолием сидели в кутузке, как подозреваемые номер один, медики провели экспертизу и вычислили, что жена моя была мертва задолго до того, как мы явились в квартиру. Смерть наступила еще до полуночи, а мы с Анатолием тогда находились на встрече однокашников. И тому есть множество свидетелей. Там мы были с восьмью часами вечера и никуда более, чем на пять минут по нужде, не отлучались. Это также многие могут подтвердить. А в половине девятого мою жену видела соседка. Они поругались. Она случайно задела соседку... э... формами, а та назвала ее толстозадой курицей. Жenuшка не осталась в долгу и назвала ее курицей, только ошипанной. Таким образом, мнения разошлись, и возникла ссора.

– И поэтому вас с Анатолием отпустили.

– Отпустили, – усмехнулся Владимир. – Под подписку о невыезде.

– А самоубийством это не могло оказаться?

– Какое там самоубийство! На теле обнаружены следы насилия, синяки.

– Но все же вас отпустили. И то хорошо.

– Знали бы вы, что творилось в милиции!

– А что там было?

– Там был такой маленький толстенький следователь с жидкими усиками, похожий на хомяка. У него была очень необычная фамилия. Цереберов. Он постоянно ходил вокруг меня кругами, заглядывал в глаза и вопрошал таким гнусным блеющим голосом: «Почему жену с собой бухать не взял? Оч-чень подозрительно!» Я даже засек время. Эта фраза повторялась с периодичностью в пять минут.

– Действительно странно.

– Представляете, мало мне того психологического шока, когда я обнаружил, что жена мертва, так он еще в нагрузку сумел внушить мне, что я действительно поступил плохо, когда не взял жену с собой бухать.

– А почему вы ее не взяли?

– Да потому что она там на хрен не нужна!

– Ах да, вы говорили, что женились не по любви. Она что, достаточно богата?

– Да не в том дело. Просто моя жена...

– Погодите, – прервала я. – Вы ни разу не назвали ее по имени.

– Ее звали Нина. Мне приходилось звать ее Нинусик. Она меня заставляла так себя называть.

– Давайте же так и будем называть ее впредь. Я имею в виду, по имени, Ниной. А то все жена да жена.

– Так вот. У нас тогда был свой любительский театр, мы

все хотели получить известность. А Нина как раз работала в крупном рекламном агентстве. Она могла помочь нам обрести популярность. И я решил сделать «ход конем», жениться на этой жирной стерве.

– Я вижу, вы совсем не любили ее.

– Не то слово! Прости меня, господи! – Светлинский набожно перекрестился. – Царствие ей небесное!

– Продолжайте.

– Короче, театр наш вскоре развалился, но некоторую известность мы приобрести успели. Самое главное, что Нинусик так и не провернула ни одной рекламной акции, пока я не взял на себя брачные обязательства. И тогда она связала меня по рукам и ногам. Договор был составлен столь хитрым образом, что подавать на развод вышло бы себе дороже. Но это всё юридические тонкости, и я думаю, не стоит в них вдаваться.

– Однако все эти обстоятельства наверняка позволяют милиции по-прежнему считать вас подозреваемым номер один. Они наверняка ведь уже в курсе ваших не слишком романтических отношений с Ниной?

– В том-то вся и беда! Об этом знают все, и до милиции эта информация дошла очень быстро. Мне крышка!

– Почему?

– Цереберов обязательно что-нибудь придумает! Знаете, что он мне заявил?

Софья промолчала, потому что не знала.

– Он сказал: «Преступление есть не только деяние, но и недеяние. Почему жену с собой бухать не взял? Оч-чень подозрительно!» Только чудо может меня спасти!

– Какого именно чуда вы ждете?

– Да ничего я не жду. Чудес не бывает! Я в этом не раз на личном опыте убедился. В детстве я мечтал подстеречь Деда Мороза, когда он под елкой подарки оставляет, и заказать ему на следующий год ровно один миллион рублей. С Дедом Морозом так и не встретился. Потом мечтал, чтобы меня захватили в плен ради эксперимента инопланетяне и наградили способностью творить материю из пустоты силой одного только желания. Так ни разу в своей жизни НЛЮ я и не видел. Когда женился, мечтал об ангеле-хранителе, который избавил бы меня от Нинусика. В конце концов, правда, последняя мечта исполнилась. Но ангел-хранитель ко мне так и не явился. Вместо этого в моей жизни появился черт-обвинитель с оч-чень необычной фамилией Цереберов. Эх-эх-эх... Ангелы-хранители...

Внезапно Софьей Невзоровой овладело жесткое желание взять на себя роль ангела-хранителя и помочь этому человеку. А потому она сказала:

– Считайте, что ангел-хранитель уже с вами! Вы просто еще этого не заметили!

– Где? – гаркнул Владимир и принялся озираться по сторонам, выпучив глаза.

– Здесь. Я имею некоторую практику частного детектива

и готова распутать этот клубок от начала до конца.

Глаза Владимира вытаращились еще больше.

– Не может быть!

– Может!

– Но это, наверное, безумно дорого!

– Да нет. Мне просто интересно. Разумеется, расходы на расследование вам оплатить придется, но так... Конечно же, если в случае успешного завершения дела вы пожертвуете мне маленькое вознаграждение, я не буду против. Но повторяю, все это не обязательно. Я готова сыграть роль вашего ангела-хранителя.

– Силы небесные! – воздел руки к потолку Светлинский. Потом он задал конкретный вопрос: – Когда вы думаете приступить к расследованию?

– Прямо сегодня.

В этот момент появилась Люда.

– Соня! Я тебя обыскала!

Софья вспомнила о братской любви и Атмане и сказала бывшей коллеге:

– Ты извини меня, что так все получилось...

– Я поговорила с Виктором Андреевичем. Он готов тебя простить!

– Люда, я уже нашла работу.

– Ты разговаривала с директором, пока я бегала в бухгалтерию?

– Нет. Я нашла работу в другом месте.

– Как в другом месте? В другом театре, хочешь сказать?
Софья слегка улыбнулась.

– Можно сказать и так. Я буду сотрудничать с этим человеком, – она кивнула на Светлинского.

– Он тоже ушел в другой театр?

– Можно сказать и так, – загадочно повторил Сонины слова Владимир.

– Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! – затрещала, словно сорока, Люда. – Сонечка, объяснишь ты мне наконец, что тут происходит?

Светлинский посмотрел на часы, нахмурился и поднялся.

– Все. Перерыв в отделе кадров закончился, – сказал он. – Пойду заберу бумаги. Софья, вы подождете меня?

– Конечно.

Когда он ушел, Люда набросилась на подругу с утроенным рвением.

– Так ты расскажешь или нет? – не унималась она.

Соня не знала, как избавиться от назойливой Жульской.

– Мы с Владимиром решили основать клуб любителей медитации, – наконец сказала она.

– Медитации? – встрепелась Люда. – Это, наверное, что-то чрезвычайно выгодное в коммерческом плане?

– И не только.

Далее, пока не пришел Светлинский, Соня подробно изложила Люде все тонкости познания мирового Атмана, о которых она думала утром.

Глава 2

Светлинский пригласил Софью осмотреть квартиру, точнее, место преступления. Оказавшись перед девятиэтажкой, годов восьмидесятых, Соня первым делом спросила клиента:

– А где ваши окна? Я хочу осмотреть подступы к ним.

– В окнах проку нет. На момент убийства все они были заперты изнутри на шпингалет. Надо обладать по крайней мере способностями привидения, дабы, уходя, привести все в прежнее состояние, – Владимир почесал затылок. – Но в этом случае окна и вовсе не нужны... Можно зайти и через дверь.

– Давайте забудем о привидениях, – предложила Соня. – Между прочим, я просто хотела посмотреть, как можно подобраться к вашей квартире, если, конечно, версия с форточкой справедлива.

– К этой квартире может подобраться только какая-нибудь обезьяна вроде зеленой мартышки.

– Почему именно зеленая мартышка, а не, скажем, западноафриканская макака?

Светлинский пожал плечами.

– Да так. Просто первое, что пришло на ум. Вон там мои окна.

Софья посмотрела вверх. Почему-то она совершенно отчетливо представила себя карабкающейся на высоту девято-

го этажа. У Сони даже закружилась голова. Но одно Соня определила точно. Если версия с форточкой верна – человек, совершивший преступление, ненормален. И привели ее к этому выводу следующие соображения. Обычный человек даже думать не стал бы о подобном штурме без альпинистского снаряжения и соответствующей подготовки. А альпинисту никогда в голову не придет идея подобного преступления. По крайней мере, так казалось Соне.

– Хорошо, а где форточка? – спросила она.

– С другой стороны. Пойдемте, покажу.

Форточка имела размеры гораздо меньшие, чем окна, а потому с того положения, где Софья находилась сейчас, ее невозможно было даже как следует разглядеть.

– Мне нужно осмотреть квартиру, – заявила Софья, и Светлинский кивком пригласил ее следовать за ним.

Беспорядок и неухоженность бросались в глаза. Батарея пивных, и не только, бутылок свидетельствовала о тяжелом характере запоя хозяина. Повсюду валялись носки, рубашки, майки, пустые сигаретные пачки и прочее. Софья поморщилась, но ничего не сказала.

Первым делом она решила осмотреть злополучную форточку. Однако ничего интересного разглядеть не удалось. Отверстие был чрезвычайно мало. Протиснуться, конечно, можно, но для этого где-то там, за окном, необходимо было проделать поистине акробатический трюк. Все это бы-

ло довольно печально. Софья решила, что, если версия с форточкой действительно соответствует истине, преступник должен обладать весьма худосочной комплекцией. Всех толстяков можно отбросить сразу. Загвоздка заключалась в том, что принять этот вариант безоговорочно, по меньшей мере, неразумно. От внешнего мира эту потенциальную лазейку отгораживала вставная рама от комаров, и человек с заурядными способностями замести за собой следы не сумел бы при всем желании.

Соня приступила к проверке остальных окон. Все они оказались крепко запертыми на шпингалеты. Она проверила, хватит ли у нее силы, чтобы справиться с шпингалетами одним легким движением. Не хватило.

Тут Софья догадалась, что ведет себя в точности как один ее старый знакомый еще со времен работы в театре, некий Сережа Чуранов. Однажды он потерял свой костюм. После того как Сережа не обнаружил его в шкафу, поступки Чуранова начали отличаться некоторой странностью. Смирившись с отсутствием костюма на обычном месте, он принялся искать его по всей комнате, при этом заглядывая в самые загадочные места. То под половой коврик, то под томик Пушкина, небрежно валявшийся на письменном столе. Сторонний наблюдатель мог прийти в состояние крайнего удивления, созерцая действия Сережи. Почему-то тогда Со-не все это безумие казалось вполне логичным и обоснованным. Справедливости ради надо заметить, что время от вре-

мени Чуранов приходил в себя и заглядывал в шкаф, дабы в очередной раз убедиться, что он продолжает пребывать в здравом уме и трезвой памяти. Ну да ладно, это так, некоторое отвлечение от темы.

Соня осмотрела засов, на который запиралась изнутри квартира Владимира. Своей массивностью и прочностью он вызывал чувство несомненного уважения. Полчаса осмотра квартиры убедили Софью, что способ проникновения злодея на место преступления отличался недюжинной оригинальностью. Соня глубоко вздохнула.

– Ничего не понимаю! – пробормотала она.

– Что будем делать? – задал вопрос Светлинский.

– Ну что ж, нельзя подойти с этого конца, подойдем с другого, – был ответ. – Давайте действовать по предписаниям классиков.

– Каких классиков? – осведомился Владимир.

– Самых обычных. Детективного жанра. Знаете, с чего они в таких случаях начинали расследование?

– Голову на отсечение даю, не представляю, о чем вы говорите.

– Нужно расспросить клиента о врагах жертвы, истинных или потенциальных. Ни к чему хорошему это, разумеется, не приведет, скорее всего, направит сыщиков по ложному следу, но тут уж извините, так положено. Иначе вообще незачем было бы сочинять детективы.

Светлинский почесал затылок.

– Ага. Понятно.

Софья не сомневалась, что ее тонкий намек клиент скорее всего совершенно не понял и дальнейшие размышления на эту тему привели бы только к ненужной трате времени. А потому Соня сразу приступила к роли частного сыщика, роли, к которой она уже успела привыкнуть.

– Итак, кто мог быть врагом вашей покойной жены? – спросила она.

– М-м-м... Мне необходимо некоторое время, чтобы подумать.

– Думайте!

Светлинский сел в кресло, приложив руку ко лбу. При этом он стал сильно напоминать главного персонажа картины, точного названия которой Софья не помнила, но общий смысл могла бы свести к следующему: Ленин медитирует под музыку. Или что-то еще такое в этом роде.

– Ну как? – спросила Соня, когда сеанс был окончен.

– Так, – ответил Владимир. – Три врага могло быть у Нины.

– Любопытно, чрезвычайно любопытно.

– Во-первых, – начал загибать пальцы Светлинский, – это мог быть Павел Николаевич Кутузкин. Это бывший начальник Нины. Бывший по понятным причинам. Они работали в одном рекламном агентстве.

– Что мог Кутузкин иметь против вашей жены?

– Дело в том, что у Нины появился шанс занять его место.

А для этого нужно было доказать высшему начальству инвалидность Кутузкина.

– Что?!

– Дело в том, что у Павла Николаевича отсутствует один глаз. Потерял еще в подростковом возрасте во время уличной драки. А сейчас у Кутузкина стремительно развивается близорукость. Сами понимаете, с подобными данными, да в рекламном агентстве, когда дела идут в безумно интенсивном темпе, что глаз да глаз нужен...

– Не совсем понимаю, но согласна.

– Ну так вот...

– Один глаз, значит, говорите. Это прямо как у Кутузова.

– Да. Правда, удивительные бывают совпадения?

– Говорят, совпадений не бывает. Все в мире имеет свои причины, все взаимосвязано.

– Да, пожалуй. А к тому же основания для подозрения имеются. В конторе, где работала Нина, прошел слухок, что Кутузкин активно увлекается коррупцией.

– То есть кутузка по нему плачет?

– Точно. Знаете, а я, кажется, начинаю верить в возможность неких мистических взаимосвязей...

– Это уж на ваше усмотрение. Что-нибудь еще интересное по этому Кутузову-Кутузкину?

– Пока все. Но он не единственный враг. – Я вас слушаю.

– Есть еще некая Надежда Любовьевна Верящая.

– Пойдите, пойдите! Я, конечно, понимаю, бывает вся-

кое разное, но как это так, Любовьевна? Ведь это женское имя – Любовь!

– А чему вы удивляетесь? Мало ли загадочных имен на свете! Вот у нас, например, этажом ниже живет полусумасшедший старик, член компартии. Знаете, как его зовут?

Вопрос был, конечно, риторический, но автоматически Соня покачала головой.

– Коммунизм Степанович! Знаете, была такая мода в советское время – давать детям оригинальные имена. Сталина, Октябрина – это еще цветочки... А то назовут каким-нибудь Трактором или Пролетарием, и думай потом во времена демократии, как с таким личным кодом общественную жизнь вести!

– Ну это еще все понятно, но Любовь...

– А у Верящей дед был хиппи. Вот он и придумал сыну имя – Любовь.

– Дед – хиппи? Это ведь не так уж давно было!

– А хиппи, они размножаются быстро. Двадцать лет – и уже отец. А в сорок лет – дедушка! А так как хиппи еще в шестидесятых появились, то как раз в восьмидесятых Надежда Любовьевна на свет и родилась.

– Не может быть! Все это похоже на фантастику...

– Еще как может.

– Чем же эта Верящая так досадила вашей жене?

– Надя была влюблена в меня. Клялась, что в один прекрасный день избавит меня от жирной стервы. А потом...

– Что «потом»?

– Да так, ничего.

– Э-э-э, вы не темните! Раз уж решились стать моим клиентом...

– Да это все настолько неважно, настолько обыденно...

– Вы спали с Надеждой?

– Ну, я же мужчина, а она – симпатичная женщина...

– И отца ее звали Любовь.

– Вот-вот! То есть, тьфу, что я говорю, к делу это, конечно, никакого отношения не имеет...

– Ваша жена знала об этом?

– Ну, думаю, она догадывалась.

– Понятно. А какова была ее реакция?

– Достаточно не деликатная.

– То есть?

– Она угрожала Наде физической расправой.

– На полном серьезе? – заинтересовалась Соня.

– Нет, конечно! – возмущенно возразил Светлинский. – Ну подумайте, что Нина могла бы сделать в реальности?

– А Верящая могла бы принять на веру угрозы вашей жены?

– Ну, всякое может быть...

– Ладно. Возьмем на заметку. Кто-то еще?

– Алексей Приходкин. Бывший наркоман.

– Бывший?

– Конечно. Он не выдержал страстного натиска моей жены

и решил, что куда благоразумнее слезть с иглы.

– Стоп-стоп-стоп! Что-то слишком много вопросов у меня накопилось. Во-первых, как связаны ваша жена и намерение наркомана слезть с иглы, а во-вторых, как ваша жена связана с наркоманом?

– Ну так это элементарно! Кто, кроме наркомана, мог повестись на мою жену? Это – раз. А во-вторых, даже наркоман не мог бы вынести мою жену! Это – два.

– Ничего не понимаю!

– Нина давала Леше деньги на наркотики.

– Так... Понятно. Но каким образом он оказывается в списке подозреваемых?

– Так ведь она могла угрожать ему, что если он порвет с ней отношения, то информация о его прошлом дойдет до одной очень милой девушки, очень приличной, которой Алексей серьезно увлекся, когда слез с иглы. Сейчас они – муж и жена.

– Хм-м-м... А вы знаете, как зовут эту девушку?

– Конечно. Мария. В девичестве – Нетрунтова. Такая она нестандартная! Такая недотрога!

– Последний вопрос, пусть и немного бестактный, – «сыщица» сочувственно вздохнула. – Вы знали, что у вашей жены есть любовник?

– Конечно.

– И неужели это вас никак не трогало?

– Нет, конечно! Я, наоборот, просто мечтал, что Нина уй-

дет к нему. Хотя у меня есть подозрение, что завела она его специально, чтобы вызвать мою ревность. Вот дура!

– Нельзя плохо отзываться о покойных.

– Ох, правда, тогда давайте не будем о ней...

– У меня больше нет вопросов.

– Но это еще не все. Есть последний кандидат в подозреваемые, – напомнил Светлинский.

– И кто же?

– Родной брат Нины. Санек. Дело в том, что их отец при смерти.

– Не вижу связи, – актриса нахмурилась.

– Отец Нины долгие годы копил состояние. На сберкнижку. Копил, но никогда не тратил. Умереть он должен со дня на день. Так нам, по крайней мере, в течение года уже кажется. А он все никак не умирает. Короче, если Невезучий умрет...

– Невезучий?

– Ну да, именно такова девичья фамилия Нины.

– Да-а... Курузкин, Верящая, Невезучий... Веселая компания, я погляжу, собралась.

– Ну, как сказать. Короче, наследство пришлось бы делить на двоих, а так все перепадет братишке. Так что...

– Многовато врагов было у вашей жены, – заметила Соня.

– Что ж поделаешь, – Светлинский печально развел руками.

– Больше никого не вспомните?

– Нет.

– Ладно. Давайте данные на всех этих людей, адреса, фамилии, явки... Нет, последнее я, кажется, из другой оперы вспомнила, – Соня достала из сумочки блокнот и ручку, – а я буду записывать.

– Если бы это могло помочь! А то по всем статьям подозреваемым номер один пока остаюсь я сам.

– Да уж. С этим и не поспоришь...

* * *

На улице Софья задумалась. Расследование она решила начать со встречи с Павлом Николаевичем Кутузкиным. Здесь была одна маленькая хитрость. «Допрос» нужно провести так, чтобы Павел Николаевич не догадался о том, кто она такая на самом деле, и не вошел в роль партизана на допросе. Пораскинув мозгами, Соня решила, что неплохо бы на эту тему переговорить с Олегом Рыбаком. Тем более кое-какие идейки у нее появились. Заодно будет повод для встречи, а может, даже... А может, даже для возобновления отношений. За этими размышлениями Соня заметила на противоположной стороне улицы своего старого приятеля, Ваню Раслова. Она помахала рукой.

Осведомившись для приличия у друга, как дела, сообщив кое-что о своих собственных, Софья, пользуясь случаем, попросила у Раслова мобильник, дабы сделать, как она выра-

зилась, короткий, чрезвычайно необходимый звонок. И, конечно, Ваня ей не отказал. А набрала Софья рабочий номер Рыбака.

– А, это ты! – обрадовался Олег. – Что-то давно от тебя ни слуху ни духу. Я уж начал подумывать, что ты забыла обо мне. Начал на тебя, мягко говоря, обижаться.

Сердце Софьи сжалось. Вот так вот! Когда же она избавится от этой своей проклятой стеснительности, от этих комплексов! Каждый раз хочет сделать как лучше, не навязываться, а в итоге только ломает свою личную жизнь, не может постоять за свою любовь. Если бы люди ценили ее скромность, так нет же, они еще и обижаются!

– Как-то случая подходящего не выпадало, – ответила Соня и прикусила губу, так как догадалась, что опять ляпнула совсем не то, что надо. И Олег не преминул отреагировать:

– Чтобы поговорить со старым другом, обязательно требуется повод?

– Да нет, я совсем не то хотела сказать, просто понимаешь, я не хотела быть назойливой, потому что... – Соня поняла, что запуталась в своих собственных извинениях.

– Глупости! Ты прекрасно знаешь, что я всегда рад пообщаться с тобой – независимо от обстоятельств.

– Да, конечно, но...

– Говори, какое у тебя срочное дело возникло на этот раз.

– Это не телефонный разговор. Мне нужно с тобой встретиться.

– Понятно. Ввязалась в очередное расследование. Ну что ж, давай на набережной через час. Устроит?

– Вполне.

– Тогда – у Бабушкиного спуска. Буду ждать.

Соня вернула телефон Раслову.

– Звонок получился не такой уж и короткий, – язвительно заметил Иван.

Соня покраснела.

– Да ладно тебе, – Иван положил руку ей на плечо, – это я так. Шучу.

* * *

Соня, как и подобает приличной девушке, решила опоздать. Эдак на полчаса. Олег ждал ее с бутылкой пива в руках. Старые знакомые обнялись, поцеловали друг друга в щечку. Из ближайшего кафе доносилась музыка. Пел Олег Газманов: «Ты морячка, я моряк, ты рыбачка, я рыбак...» Софья посмотрела на Рыбака и подумала, что он и правда напоминает человека, вернувшегося из дальнего плавания. Олег взял Соню за руку.

– Ну пойдем, – сказал он, – расскажешь о себе.

На Набережной буйствовал ветер, играя с волосами Сони. Как бы хотела Соня поговорить сейчас с Рыбаком о чем угодно, кроме работы, но... Обстоятельства, как всегда, складывались не в ее пользу, и виновата в этом была первым делом

она сама.

Олег предложил ей присесть на лавочку. И Софья поведала Рыбаку о своих соображениях и планах.

– Значит, ты предлагаешь явиться к Кутузкину в обличье сотрудника милиции?

– Да, и тут мне просто необходима твоя помощь.

– Поможем. Конечно, мне предстоит преступить служебные полномочия... Когда я выдам тебе форму. Но это все пустяки.

– Я знала, что ты мне не откажешь! – воскликнула Соня, в страстном порыве обняла Олега и поцеловала в щеку, после чего с досадой осознала, что это отдает сугубой официальной.

* * *

Павел Николаевич Кутузкин обитал в отдельном кабинете с табличкой таинственного содержания на двери: «Директор по общим вопросам Кутузкин П.Н.».

– Интересно, чем он занимается? – обращаясь скорее к самому себе, чем к Соне, проговорил Олег.

– Понятия не имею. Но раз им выделяют отдельный кабинет, то, наверное, чем-то нужным и важным, – заметила Софья.

На Соне была форма сержанта милиции. Перед тем как постучаться и войти, она придала своей физиономии неесте-

ственно строгий вид. Когда-то ей случалось играть злую царевну в детской сказке о семи богатырях, а потому образ «железной леди» Софье Невзоровой был знаком.

– Готова? – шепнул Рыбак.

Соня кивнула.

Олег несколько раз властно постучался, дернул дверную ручку и решительно шагнул вперед. Действовать было решено нахрапом.

Павел Николаевич Кутузкин оказался маленьким тщедушным человечком с блестящей лысиной и круглыми темными очками на носу. Чем-то он напоминал секретного агента иностранной разведки из шпионских боевиков. Реакция его на приход представителей правоохранительных органов оказалась совершенно неожиданной. Словно хорошо выдрессированная на определенные объекты собака, он моментально поднял руки вверх.

– Я ни в чем не виноват! – заверещал Павел Николаевич чрезвычайно высоким голосом, напомнившим Софье евнуха в исполнении Владимира Винокура.

«Интересно, взял бы его Виктор Андреевич на роль Ромео, – подумала Соня, – или на роль Джульетты?»

– Гражданин Кутузкин? – подозрительным тоном спросил Рыбак.

– Я ни в чем не виноват! – продолжал убеждать тот.

– Вот в этом мы сейчас и разберемся. – Я ни в чем не виноват!

– Успокойтесь, гражданин Кутузкин!

Словно собака, которой сказали «фу», Павел Николаевич опустил руки и вытянулся по стойке «смирно».

– Можете еще немного успокоиться, – произнесла Софья. Кутузкин обмяк.

– До нас дошла информация... – начал было Олег.

– Это ложь! – вновь заверещал Кутузкин. – Грязная ложь! Клевета!

– Вы хоть знаете, о чем речь? – устало спросил Олег.

– Нет.

– Что же тогда орете?

– Не знаю.

– Ну так вот. До нас дошли слухи, что в вашем отделе наблюдается такое негативное явление, как коррупция.

Лицо Павла Николаевича перекосилось. Казалось, теперь он опустил руки не только в прямом, но и в переносном смысле слова.

– К-к-коррупция?

– Вы удивлены?

– Нет. Это не я! Это не я!

– Да подождите вы! Проблема в том, что, возможно, в составе преступления присутствует не только коррупция.

– К-как?

– Вот так.

Олег загадочно улыбнулся и принялся расхаживать взад-вперед, заложив руки за спину.

– В каких отношениях вы состояли с Ниной Станиславовной Светлинской?

Сначала Кутузкин почему-то покраснел. Потом почему-то побледнел.

– Все вскрылось, – голосом обреченного медленно произнес он. – Я так и знал, что рано или поздно все откроется! Значит, она действительно оставила один экземпляр у сотрудника милиции! Вот и все. Конец! Но я сознаюсь! Честное слово! Скажите, пожалуйста! – Павел Николаевич молитвенно вытянул перед собой руки. – Чистосердечное признание облегчит мою участь?

Соня чуть не запрыгала от радости. Неужели так все просто?!

– Облегчит, – поспешил заверить Рыбак.

– О, это перст божий! – завывал Кутузкин. – Это – наказание, ниспосланное свыше! Я чувствовал, что эта женщина меня подставит! Чувствовал, но думал, что она все же не решится на такой шаг! Ведь это было невыгодно ей самой! Я не просчитал такой возможности, что Нина может просто предпочесть умереть.

– Ей помогли умереть, – заметила Соня.

– Может быть, и так. Какая теперь разница!

– Нет, вы уж постойте! Что значит – какая разница? Мы разыскиваем убийцу Нины Станиславовны.

– И попутно обнаружили грехи старого несчастного инвалида. Эх-х-х... Знал бы я, кто этот убийца, я бы сам прибил

его собственными руками.

– Вы поосторожней с заявлениями, – предупредил Рыбак.

– Так, я что-то не понимаю, – начала Софья, – выходит... Рыбак оборвал ее.

– Стоп-стоп-стоп! Позволь мне! – Олег повернулся к Павлу Николаевичу. – Вы заявили, что готовы дать чистосердечное признание.

– Да. Записывайте!

– Записывать мы не будем, достаточно устного рассказа.

– А такое возможно?

– Еще как! Дать почитать Уголовный кодекс?

– Нет, спасибо.

– Так не тяните.

– Понимаете ли, – Кутузкин замялся, – Нина как-то сделала мне оч-чень странное предложение. Она предложила мне стать участником порнофильма.

– Участником порнофильма? – Рыбак был просто сражен услышанным.

– Да-да! Потом мы должны были продать кассеты с этими записями куда-то за границу. А я еще должен был прибегнуть к своим давним связям с таможенной полицией.

– А помимо вас в фильме кто снимался?

– Так сама Нина и снималась! Вы понимаете, я на это дело только из любви к Нине решился! Деньги от этой сделки мне в пень не сдались! Я ведь одноглазый, девчонки меня не любят. Я ведь до Нины девственником оставался! А так

хотелось попробовать...

– Веселая у Светлинского была женушка, – хмыкнула Со-
ня. – А он еще жаловался, что такую корову никто полюбить
не сможет!

– Не говорите так о Нине, тем более она погибла! Несмот-
ря ни на что, она была прекрасной женщиной!

– Никто не сомневался. Так, значит, вы с ней вместе пе-
ред камерой любовь припудривали? – скептически уточнил
Олег. – Неужели это кто-то может купить?

– А что? Мы вполне еще молоды! Сильны! К тому же вку-
сы у людей разные бывают... Не всем же нравятся стираль-
ные доски со спичками – я имею в виду женскую фигуру. И
я еще раз повторяю, мы до сих пор молоды!

– Особенно вы. А снимал кто?

– Никто не снимал. Камера была неподвижно зафиксиро-
вана при помощи...

– Неважно, – отрезал Рыбак. – Вопрос тут стоит по-дру-
гому. Вы сказали, что Нина отдала один экземпляр сотруд-
нику милиции. Что это значит?

– Понимаете, дальше все еще более запуталось.

– Не понимаем.

– Мы провернули сделку, заработали некоторое количе-
ство денег, и тут... Нина как будто взбесилась. Похоже, за
счет всего этого ей удалось завоевать расположение очень
влиятельных людей, и она решила согнать меня с моего ме-
ста. Нина принялась собирать бумаги, в соответствии с ко-

торами меня должны были уволить по причине инвалидности. Какой подлый удар с ее стороны!

– И вы начали ей угрожать.

– Да упаси господь! Я человек маленький...

– Только увлекающийся время от времени коррупцией.

– Нет, я честный коррупционер! Тьфу ты! Совсем мне мозги запутали! Это Нина пригрозила мне, что, если, не дай бог, с ней что-то случится, кассета с моими подвигами вместе с сопроводительным письмом окажется в руках милиции. Вроде как она своему знакомому менту, извините, милиционеру, экземпляр подарила. Говорит, мол, если мою вину в убийстве и не докажут, все-таки репутация у меня безупречная, то известия о махинациях уж точно в руки закона попадут. А тогда – прощай, репутация! Думаю, слух о коррупции тоже она пустила. А я ведь искренне ее любил и до того ничем противозаконным никогда в жизни не занимался! Как же я после той угрозы за жизнь ее бояться начал! Ведь тогда – пиши пропало! Жизнь исковеркана без права на апелляцию! Один мой знакомый сказал, что это я ее и убил.

Софья с интересом вскинула брови. В ней вспыхнула искорка надежды, маленькой радостной птичкой устремилась в многообещающий полет к небесам.

– Поясните свою мысль.

– Он сказал, что, если любишь кого-то больше бога, высшие силы отбирают у тебя объект желания. Так вот и тут произошло. Потустороннее воздействие!

– А кто он, этот ваш знакомый?

– Очень хороший, очень праведный человек. У них там церковь какая-то особенная, не православная. Он говорит, что все происходит по воле небес, надо одуматься...

Маленькая радостная птичка достигла солнца, опалила крылья и рухнула легоньким трупиком с небес на землю, поставив таким образом печальную точку в первой версии сыщицы.

– Понятно. Ваш друг – религиозный фанатик-сектант. Так, значит, вы не убивали Нину Степановну?

Вопрос Софья задала просто так, для проформы, – крылышки погибшей птички дергались по причине рефлексорных процессов в дуге спинного мозга.

– Нет, конечно! Я боялся этого больше всего на свете! А знаете, одна старая, желчная, полусумасшедшая бабка из нашего двора, которую все считают ведьмой, говорила, что, если чего-то очень бояться, это обязательно произойдет, потому что получит отклик в астральном мире.

Софья молчала, устремив тоскливый взгляд куда-то к небесам, словно оплакивая усопшие надежды. Олег хихикал. Павел Николаевич не выдержал парадоксальной атмосферы и закричал:

– Теперь, когда я признался во всем, мне облегчат приговор?

– Приговора никакого не будет, – ответил Рыбак. – Мы вообще-то расследуем убийство Нины Светлинской, а не пор-

новыходки мелких коррупционеров.

– Я из любви к Нине!

– И кассету, скорее всего, Нина никакому сотруднику милиции не оставляла. Иначе об этом давно было бы известно. Просто решила на всякий случай перестраховаться, припугнуть вас. Если экземпляр кассеты у нее и остался, то она бережно хранила его у себя. И я обещаю, если мы найдем этот единственный, или даже не единственный, не суть важно, экземпляр, мы обязательно пришлем его по почте именно вам, да еще и надпишем: «Кутузов в бою!»

И тут Павла Николаевича будто подменили. Ни Софья, ни Олег не ожидали такой внезапной перемены в его настроении. Соня после того взяла себе на заметку, что неплохо бы еще раз перечитать какой-нибудь учебник по психологии. Совершенно внезапно Кутузкин завизжал:

– Да как вы смеее надо мной издеваться! Я подам на вас в суд!

Работник МВД и бывшая актриса не успели опомниться, а тот уже напирал на них с кулаками:

– Вы оскорбляете человеческое достоинство, вы унижаете личность! Вы оскорбляете честь и славу народного героя!

– Э, э, поосторожней! – замахал руками Рыбак. – Вы что?

– Я терпеть не могу, когда смеются над моей фамилией!

– Да кто тут смеялся? Просто сопоставили некоторые факты...

– Да я тебе! – заорал Кутузкин, в очередной раз вознося

свой грозный кулак над головой.

И тут Олег нашел выход.

— Руки вверх! — заорал он со всей мочи, и Павел Николаевич в тот же миг подчинился.

— Так-то вот! — рывкнул Рыбак и развернулся к выходу.

* * *

Перед тем как наконец вернуться домой и отдохнуть после сумасшедшего дня, Софья еще раз навестила Светлинского. Она поведала ему все, что произошло с ними в кабинете Кутузкина.

— Да-а... — протянул Владимир. — А жена моя, оказывается, еще более темная личность, чем я думал! Что ж, кассеты никто просмотреть не додумался, в том числе и сотрудники милиции. Своей проницательностью вы вселяете в меня надежды, Соня!

— Это пустяки, — скромно ответствовала та.

— Сейчас посмотрим, что за кассеты Нина хранила у себя помимо всяких мелодрам. Включите, пожалуйста, видеомагнитофон.

Большинство кассет Светлинской содержали действительно записи каких-то сентиментальных пародий на произведения искусства, а также фильмы, демонстрирующие физические упражнения для похудения. Но помимо всего этого хлама обнаружилась замечательная коллекция порно-

продукции. Без труда Владимир отыскал и тот эксцентрично-остросюжетный боевик, о котором толковал Павел Николаевич.

– Да-а... – качал головой Светлинский. – Свою жену, оказывается, я очень мало знал. Вы поглядите, какие они трюки вытворяют! Какая акробатика! Вот уж никогда не подумал бы, что Нина, с ее-то комплекцией, на такое способна!

– Что скажете?

– Что я скажу? Да что я могу сказать! Завтра отправлю бандеролью Кутузкину!

* * *

Родной домашний уют, но Соня никак расслабиться не может. Вновь и вновь ей приходится доказывать матери.

– Понимаешь, вкусы разные бывают! Не всем же нравятся стиральные доски со спичками! Я имею в виду женскую фигуру! А кого-то может потянуть на экзотику. Одноглазый лысый старик может у кого-то ассоциироваться с бывалым отважным пиратом, ассоциация может вызвать небывалое возбуждение. Мама, мир такой! Он сложный и многогранный! Нельзя однозначно судить о людях, иначе легко впасть в заблуждение. Ну как мне тебе еще объяснить?

– Все равно не понимаю. Даже если это и так, какой толк от простого просмотра видеокассеты?

Софья обессиленно уронила голову на грудь.

Глава 3

Маргарита Ярополковна разбудила Соню с утра пораньше.

– К тебе мужчина! – шепотом сообщила она.

– Рыбак? – обрадованно подскочила с постели Соня.

– Нет, не Рыбак, но, по-моему, очень даже привлекательный молодой человек. Весь такой аккуратный, в строгом костюме, гладко выбрит...

Глаза Сони сразу потухли.

– А жаль...

– Что жаль? – удивилась Маргарита Ярополковна. – Что аккуратный?

– Да нет. Что не Рыбак.

– А кто это?

– Представления не имею. С такими данными, как ты описала, давно никого не встречала.

– Он ждет тебя в гостиной.

– Скажи, что я сейчас переоденусь и приду.

– Хорошо.

Кряхтя, скрипя колесами, укатило из Сониной комнаты инвалидное кресло. Софья открыла шкаф и почесала затылок. «Может, на всякий пожарный, надеть что-нибудь понаряднее и попривлекательней?» – мелькнуло в голове.

В гостиной Софью Невзорову ожидал Владимир Светлинский. Вот уж кого-кого, а его Соня никак не ожидала увидеть. Аккуратный, в строгом костюме, гладко выбритый. Таким Соня его еще не видела.

– Привет, – махнул рукой Владимир. Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный.

– Привет. Что-то случилось?

– Да. Честно говоря, я ничего не понимаю.

– Вот как? А с чем связаны сии выводы?

– Представляете? Сегодня утром я вышел из дома, дабы совершить небольшую прогулку. Очень, знаете ли, помогает с утра.

– Не пробовала.

– А вы попробуйте. Но дело, конечно, не в этом. Дело в том, что я у выхода со двора заметил очень подозрительного человека. Подозрительного потому, что он то и дело прятал лицо под воротником спортивной куртки. Но это еще не все. Я долго блуждал по окрестным улочкам и несколько раз видел, как этот тип пытается скрыться за углом. Исходя из этого, я сделал вывод, что за мной кто-то следит.

– Не слишком сложное логическое умозаключение, – заметила Соня.

– Да. А когда я шел к вам, тоже пару раз пересекался с этой загадочной личностью.

– У вас есть предположения, кто это мог быть?

– В том-то и дело, что никаких! Абсолютно! Мало мне

проблем с милицией, так тут еще и это! Но согласитесь, история с самого начала была окружена тайной.

Софья кивнула.

– Быть может... – хотела она сделать собственные предположения на этот счет, но ее прервали. В дверь кто-то нагло и настойчиво позвонил несколько раз.

– Что-то сегодня прямо наплыв гостей какой-то, – сказала сыщица. – Подождите минутку, я посмотрю, кто там. Не хочу тревожить маму.

Соня глянула в глазок. Там она увидела искаженное увеличительным стеклом, а оттого до нелепого смешное, вызывающее ассоциации с хомяком, мужское лицо. На бандита вроде не похож, а потому Софья решила открыть дверь.

Перед лицом Софьи распахнулась красная корочка сотрудника МВД.

– Майор Михаил Александрович Цереберов, – представился мужик гнусным блеющим голосом. – Разрешите пройти?

– Конечно.

Следом за ним в квартиру нырнули еще двое. Один в форме сержанта милиции, другой – в спортивной куртке с поднятым воротником.

– А где этот мерзавец Светлинский, который жену настолько любил, что даже бухать не удосуживался с собой брать? Оч-чень подозрительно! Не так ли?

Соня пожала плечами и посмотрела на часы. Те показы-

вали без пяти девять.

– Он в гостиной.

– Оч-чень подозрительно, – повторил Цереберов.

Когда непрошенные гости прошли в комнату, Светлинский вскочил со стула, ткнул пальцем в сторону человека в спортивной куртке и заорал:

– Это он! Это он! Он меня преследовал! Неужели милиция ничего не предпринимает против таких вот типцов, без спросу вторгающихся в чужую личную жизнь...

– Спокойно, – слащавым голосом отрезал Цереберов. – Это наш человек, лучший из внештатных агентов. Это я поручил ему вторгнуться в вашу жизнь.

Он повернулся к Софье.

– Девушка, вы не заварите для нас чайку?

Соня удивилась такой наглости, но возражать не стала.

– Сейчас поставлю.

Когда она вернулась, Цереберов уже развалился на диване и внушал Светлинскому:

– В последний раз спрашиваю! Почему жену бухать с собой не взял? Оч-чень подозрительно!

Часы показывали девять.

Соня принесла чай. Цереберов принял чашку, широко улыбнулся и сказал Светлинскому:

– Чай лучше бы пил, а не водку! А если водку пьешь, почему жену бухать с собой не берешь? Оч-чень подозрительно!

На часах натикало пять минут десятого.

– Зря вы в это дело ввязались, девушка, – хмыкнул майор, поворачиваясь к Соне. – Преступник – он, и это очевидно!

– Но доказать это невозможно.

– А-а-а... – отмахнулся Цереберов. – Все можно доказать, было бы желание. А оно у меня есть, и очень сильное. Я за добычу держусь мертвой хваткой!

«Как Цербер!» – с ужасом подумала Соня.

– Вот скажите, – он снова перевел взгляд на Светлинского. – Скажите мне, пожалуйста. Вы действительно рассчитываете на то, что эта девушка поможет вам отмазаться от тюремной решетки, или желаете поступить с ней так же, как со своей женой?

– Что? На что вы намекаете!

– Я намекаю на то, что, возможно, вы – маньяк!

– Ну уж позвольте!

– Заманиваете несчастных женщин к себе в сети, а потом... Чик – и готово! А что, по теории вероятности такое вполне может быть! А мне так хочется звездочку подполковника получить...

– У нас сугубо деловые отношения, – надула губки Соня.

– Никакой любви! – усмехнулся Цереберов. – Сделал дело – гуляй смело! Так у вас? А что? По-моему, очень даже удобно... Тем более в наш век...

Софья покраснела, потом побагровела от ярости. Спутники Цереберова угрюмо рассматривали что-то в своих чаш-

ках.

– И тут ведь дело не только в теории вероятностей! – увлеченно продолжал майор. – Стоит мне только глянуть на вас, девушка, декольте, как мне тут же в соответствии со всеми правилами дедукции приходит в голову одна замечательная мысль. Сейчас я поясню. Когда между людьми деловые отношения, будет ли девушка с утра пораньше надевать декольте, когда к ней приходит клиент?

Сыщица прикусила губу от досады.

– Бухать-то он с собой вас хоть берет? А то оч-чень подозрительно получается!

Десять минут десятого.

– И еще один момент! – поднял палец Цереберов. – Если бы у вас были обычные отношения, как это бывает между мужчиной и женщиной, вы, конечно, имеете право наряжаться. Но вот с утра пораньше, по идее, вы должны иметь очень уставший и потрепанный вид. А тут... тут, знаете ли, пахнет грубыми извращениями! Быть может, вы – маньяки-сообщники!

– Я не позволю так оскорбительно... – начала было Соня, но голос ее предательски задрожал.

– Какие эмоции! Какие бурные эмоции! – радостно воскликнул Цереберов и захлопал в ладоши. – А вы, я слышал, бывшая актриса и привыкли к грому аплодисментов. Аплодисменты будут! Обещаю вам!

Он с садистской улыбкой наблюдал за дрожащей от гнева

и обиды Софьей Невзоровой. Человек в спортивной куртке выудил что-то из чая и стал внимательно рассматривать.

– Вы... Вы... – задыхаясь, пыталась выразить свое негодование Соня, но у нее не получалось.

Цереберов допил чай и поставил чашку на стол.

– Хватит в чае ковыряться! – гаркнул он на своих «сообщников». – Сегодня мы тут все равно ничего больше не выловим! Но за этой парой стоит проследить!

Майор обратился к Соне:

– Вы нас проводите?

– Да у меня муж – сотрудник милиции! Олег Рыбак! – в отчаянии выкрикнула Соня и сама удивилась тому, что сказала.

Цереберов только усмехнулся.

– Поставь чашку на место! – цыкнул он на молодого человека в форме сержанта. – Пойдем!

Вся троица потянулась к выходу. Соня все-таки отправилась их проводить.

– Не забывайте о нас! – сказал Цереберов уже в дверях. – Кстати, девушка, бухать-то он с собой вас берет? А то очень подозрительно!

Он вытянул перед собой руку и глянул на часы.

– Пятнадцать минут десятого, – покачал головой майор. – Что-то я припозднился... Давайте скорее отсюда! Дел полным-полно!

Дверь за непрошеными гостями затворилась. Соня верну-

лась к Светлинскому.

– Ну как вам Цереберов? – усмехнулся Владимир.

– Мразь! – только и нашлась Софья.

– Угу. Чрезвычайно въедливый тип!

– Это еще мягко сказано!

– Вы сегодня намерены продолжать расследование?

– Еще как намерена! Я уж постараюсь поставить этого хомьяка на место! Обломается ему его звездочка!

Владимир слабо улыбнулся.

– Послушайте, эта Надежда Любовьевна Верящая... По-вашему, какой наилучший способ можно выбрать, чтобы подступиться к ней? На какие кнопки ее психики можно нажать, чтобы она начала выдавать информацию, способную навести меня на размышления?

– Даже не знаю. Надя – человек бывалый... Ее мало чем проймешь... – почему-то Владимир при этих словах чрезвычайно смутился.

– Это как понять – бывалый?

– Неважно, я просто не то слово подобрал... Знаю! Знаю! Соня вскинула брови.

– Суеверная она до ужаса! А точнее, верующая! В церковь постоянно ходит грехи отмаливать. Больше всего на свете боится угодить после смерти в ад.

– Это какие ж у нее грехи? – удивилась Соня. – Чтобы вот так сразу – раз – и в ад!

Светлинский отчего-то снова смутился.

– Да так... Мелкие всякие там прегрешения...

– Э-э-э... Вы что-то темните! Ну-ка, выкладывайте начистоту. За мелкие прегрешения сразу в ад не отправляют!

– Это как сказать... А если они имеют свойство накапливаться? Там ведь ангелы вроде как на весах все взвешивают.

– Не темните! Какой смертный грех у нее за душой?

– Понимаете, красивая она очень. Влюбляются мужики в нее, а она надежду им дает. Имя у нее такое. Надежда! Не может она страдающему по ней сердцу отказать! А полюбить никого тоже не может. Меня вот только полюбила...

– Стоп-стоп-стоп! А мужики эти, которым она надежды направо и налево раздает, они как, состоятельные люди?

– Видите ли, Надя привыкла вращаться в кругах бизнесменов и политиков. А сама она бизнес иметь не хотела бы. И в политику ни за что на свете не полезла бы...

– Еще бы! – хмыкнула Соня. – Зачем собственный бизнес, когда кругом полно потенциальных богатых любовников?

– Вы все не так понимаете...

– Скажите честно, она дорогая проститутка?

– Что вы, что вы!

– Значит, очень дорогая и чрезвычайно привередливая.

– Надежда просто не любит человека сразу лишать надежды. Ведь речь идет не только и не столько о похотливом животном чувстве, сколько о духовной, высшей любви.

– Тем хуже. Торгует любовью. А прелюбодеяние – один из смертных грехов. Вот она и бежит постоянно в церковь,

кается. На этом можно неплохо сыграть.

– Конечно, но только...

– Что еще?

– Пожалуйста, не называйте ей мое имя. А то у меня есть подозрение, что Надежда до сих пор меня любит, а мне не хотелось бы оказаться неблагодарной свиньей...

– У вас подозрение или надежда?

– Не понял?

– У вас подозрение или вы все еще тешите себя надеждами на искреннюю любовь со стороны Верящей?

– Вы поступаете нечестно!

– Просто мне кажется, эта дама на самом деле никого не убивала, а тем более ради вас. Вы можете смело отбросить это предположение.

– Но она могла сделать это и ради корысти...

– Вы думаете – как вам ни обидно это будет слышать, – у нее не было кавалеров побогаче и повлиятельнее вас?

– Да, но я еще и красивый!

– Думаю, для таких, как она, красота ничего не значит. По крайней мере, судя по вашим словам, ее у Верящей в избытке.

– Все равно стоит проверить, – упрямо гнул свою линию Светлинский.

– Ладно. Разберемся. Предоставьте это мне. А я бы вам сейчас посоветовала больше думать не о прекрасной Надежде.

– А о ком же?

– О Цереберове!!!

* * *

Дома Соня тщательно продумала план действий и сама поразилась своей изобретательности. Она позвонила одной из своих бывших коллег по театру, Татьяне, и попросила подругу о помощи. Требовался очень экзотический театральный костюм. Договорились, что Соня зайдет в театр после обеда.

Софья Невзорова мечтала оказаться в уютной гримерной, где на нее разом навалится куча будоражащих душу воспоминаний. Однако пришлось довольствоваться захламленным подвалом.

Таня подвела подругу к большому картонному ящику, откуда тотчас выбежала большая жирная крыса. Соня угрюмо уставилась на дырку, проделанную крысой в одном из углов коробки.

– Вот здесь у нас лежит последний оставшийся в относительной сохранности костюм небесного ангела, – представила реквизит Таня. – Светочка Зараева играла в нем, когда у нас ставили «Божественную комедию» Данте.

– Он, наверное, очень пыльный, – заметила Соня.

– Есть немного. Но ведь ты можешь и постирать!

Татьяна принялась вынимать по частям на свет божий

(или в полумрак подвальный, что гораздо точнее) содержимое коробки. Заклубилась пыль. Софья принялась отчаянно чихать. К ней присоединилась Таня.

Пышное платье. Пушистые крылышки. Чепчик.

– Ну как? Нравится? – радостно спросила Танька.

Соня поморщила нос.

– По-моему, в этом я буду похожа не на ангела, а на черта. На Мефистофеля!

– Это почему же?

– Да оно же все черное от пыли!

– Но постирать-то недолго!

– А это что за дырка на макушке чепчика?

– А это крыса, наверное, постаралась.

– Бр-р-р!!! Какой ужас!

– Да какая разница? Кто там на макушку твою смотреть будет?

– И крылышки несколько облезлые, – Соня брезгливо приподняла одно крыло.

– А ты их шампунем! «Пантином» с кондиционером! Они сразу станут мягкими и объемными. Давай-ка примерим!

– А может, не стоит? – с сомнением спросила Соня.

– Это как же не стоит? Конечно, стоит! Кто, кроме меня, сможет дать тебе рациональный совет, пойдет тебе это одеяние или не пойдет. Дома будут только лстить.

– Ну, не факт, – попробовала возразить Соня. – Моя мама обладает очень даже тонким вкусом.

Но Таня ее не слушала. Она взбивала платье, так, как обычно встряхивают половики. И пыли, кстати, было не меньше. Не успела Соня опомниться, а подруга уже напялила на нее платье. Софье показалось, что ее схватили разбойники с большой дороги и пытаются запихать в грязный мешок. При помощи английских булавок Таня повесила Со-не на спину крылышки, нацепила на голову будущего ангела чепчик.

– На ноги ничего нет, – сказала Таня. – Но могу дать добрый совет. Если не захочется ходить босиком, можешь приобрести на любом рынке белые тапочки. Я думаю, они не будут слишком дисгармонировать с твоим костюмом.

– Какой кошмар! – только и смогла выдохнуть Софья.

– А теперь можно пройти наверх, посмотретья в зеркало. Соня громко чихнула.

– А я не буду выглядеть слишком эпатажно?

– По-моему, в самый раз!

По дороге в Танину гримерную Софья ловила на себе изумленные взгляды. Почему-то проходившие мимо люди шарахались от нее, после чего неизбежно раздавались смешки.

В гримерной Соня приблизилась к зеркалу и не узнала себя. Лицо ее было перепачкано пылью. Если бы она увидела кого-нибудь в таком наряде здесь, в театре, то, может, и подумала бы о «Божественной комедии» Данте, но неизбежно бы решила, что актер собирается сыграть черта. А еще она

подумала бы, что актер забыл приладить к костюму рожки и хвост.

– Клок волос из-под чепчика торчит, – заметила Софья. – Как-то неестественно смотрится.

– А ты заплату не забудь дома поставить. Да! Еще момент! Сейчас я принесу тебе белокурый парик с локонами. Настоящий ангел должен выглядеть именно так! Уж поверь мне!

«Интересно, откуда она с такой точностью знает, как должен выглядеть настоящий ангел?» – подумала Соня.

Тем временем Таня уже надевала на голову Софьи парик. Почему-то наивная Сонечка полагала, что это будет что-то в духе Мэрилин Монро. Но этот кошмар почему-то больше напомнил ей фильм «Лев ушел из дома».

– Парик давно никому не нужен, – пояснила Таня, – и ты можешь его... э-э-э... Несколько подстричь!

– Подстричь???

– Ну да. Пообкромсать. Чтобы больше соответствовал типуажу ангела. У них должны быть более жидкие волосы.

– Хорошо, – Соня расстроилась. Ее ожидания не оправдались.

– Это все, – сказала Таня. – Конечно, костюм в несколько непрезентабельном, я бы даже выразилась, в нетоварном виде, но ты же творческая личность! Ты можешь что-нибудь придумать из всего этого!

– Конечно, – не в силах прийти в себя, промолвила Соня.

– Ну вот и ладушки! Будешь снимать костюм?

– Да, конечно. Чуть не забыла.

Соня принялась стягивать с себя платье. Ее вновь окружило облако пыли.

– Надо было это делать, наверное, в подвале, – задумчиво проговорила Таня.

Когда костюм упаковали в полиэтиленовый пакет, Соня с сомнением оглядела свою одежду.

– Такое впечатление, что я отработала восьмичасовой рабочий день в кочегарке, – сказала она.

Таня махнула рукой.

– Ничего, дома бросишь одежду в стирку.

«Стирка, стирка! – с досадой подумала Соня. – Знала бы ты, как это тоскливо – стирка!»

По дороге домой Софья все же заглянула на рынок и на всякий случай приобрела пару белых пушистых тапочек.

* * *

Костюм, как ни удивительно, процедуру стирки воспринял вполне положительно. Крылышки действительно словно ожили после мытья шампунем с кондиционером. На чепчик удалось наложить заплату. А посмотрев на новую стрижку парика, Соня решила, что безбожно загубила в себе талант парикмахера.

Она вновь примерила костюм перед зеркалом. И все же, несмотря на все попытки привести его в ангельский вид, вы-

глядел он по меньшей мере убого. Скорее серый, чем белый. Чепчик напоминал головной убор санитары из морга. Крылышки болтались на честном слове и как-то обвисали. И только новые тапочки цвета первого снега заставляли сердце прыгать от радости.

– Ну что ж, – вздохнула Софья. – Авось пронесет. В крайнем случае скажу: времена сейчас тяжелые, люди совсем грешными стали, а потому даже их ангелам-хранителям туго в таких условиях лямку тянуть...

* * *

До вечера оставалось время, и Соня решила помедитировать. «Какую бы медитацию выбрать, чтобы лучше подготовиться к предстоящему действию?» – задумалась Соня, открывая книжку под названием «Сборник медитативных упражнений».

Ароматические палочки уже успели придать комнате мистический образ, когда Соня наткнулась на следующую статью:

«МЕДИТАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ

Сядьте в позе лотоса и выберите любое абстрактное понятие, то, которое вам ближе. Жизнь, мудрость, Космос. Выбор может быть любым. Откройте чакры, как это описано на стр. 123, и установите с понятием эмоциональный и ментальный контакт. Попробуйте ощутить логические и чувственные зо-

ны понятия, соответствующие вашим чакрам. Попробуйте сами стать выбранным вами понятием. Ведь природа любого понятия, как и природа человека, – атманическая! Продолжайте упражнение до полного слияния с понятием. Закончив сеанс, обратите внимание, насколько более полно вы теперь чувствуете и осмысливаете выбранное вами понятие. Упражнение желательно повторять не реже трех раз в день».

«Помедитирую-ка я на понятие «ангел», – решила Софья.

* * *

– Ты какая-то загадочная, – заметила Маргарита Ярополковна, когда Сонечка вышла из своей комнаты.

– Ангелы всегда оставались загадкой для грешных людей, – голосом, будто получившим благословение с неба, проворковала Соня.

– Ангелы? А ты, я вижу, скромница!

– Конечно, скромна и чиста, как подснежник...

Маргарита Ярополковна рассмеялась.

– Ах ты, мой ангел! Тебе снова мужчина звонил. Не Рыбак. И не Светлинский...

– Страсти грешные отвращают от истинного блага, Царства Божия, – смиренно молвила Софья.

– Спрашивал, как у тебя дела! – не обращала внимания на просветление дочки Маргарита Ярополковна. – И голос, по моему, вполне приятный. Я все-таки добилась от него име-

ни. Он долго не хотел говорить, утверждал, что это будет сюрпризом, когда он сможет поболтать с тобой лично. Он так и сказал: поболтать. Ах, романтик! Очень красивое у него имя!

– Лишь одно имя мне дорого, имя Господа нашего!

– Михаил Александрович Цереберов!

– Вот дьявол! – со злостью воскликнула Софья, и чакральный контакт оборвался.

* * *

Действовать Соня решила ночью. А поскольку ночью девушке одной разгуливать по городу не полагается, она решила снова прибегнуть к помощи Олега Рыбака. Только у него была возможность оказать ей услугу по реализации замыслов.

Олег приехал к Соне в девять часов вечера.

– Я помню, ты прекрасно умеешь пользоваться отмычками, проникать за запретные двери, – сказала Соня Олегу за чашкой кофе.

– Ты хочешь провернуть очередной взлом?

– Да. Ты можешь вскрыть замок бесшумно?

– Постараюсь.

– Дело в том, что в квартире будет хозяйка.

– А это не опасно, Соня? Вдруг она проснется?

– Ничего страшного. Я сама собираюсь ее разбудить.

– Ничего не понимаю!

– Я все объясню. А еще необходимо будет проделать какую-нибудь штуку, чтобы в квартире погас свет.

– Можно попробовать.

– Вот и ладушки. А теперь слушай, что я задумала.

* * *

– Отвернись, пожалуйста, я переоденусь, – сказала Соня Рыбаку, находясь в парадной перед дверью в квартиру Верящей на последнем этаже. На полу стояла, излучая тусклый свет, свеча. В парадной было темно. Олег случайно вырубил пробки во всем подъезде.

– Конечно, – с неохотой ответил Олег и отвернулся.

Соня принялась наспех переодеваться. Одна последняя деталь оставалась никак не разрешенной, заставляя нервничать Рыбака. Новенькие белые тапочки. Потом Соня все же решила, что пол в подъезде достаточно холодный и грязный, а потому отказываться от тапочек было просто глупо. Когда все было завершено, она сказала Олегу:

– Начинай!

Олег, увидев Соню в столь странном обличье, усмехнулся:

– Ну вылитый падший ангел!

– Зря ты смеешься. Ты не представляешь, каким чистым ангелом я была после медитации абстрактных понятий!

– Ну-ну! – покачал головой Олег и вынул из кармана кусок

проволами, который нашел по дороге к дому Верящей.

Он углубился в процесс вскрытия замка.

Софью же угнетали проблемы. Во-первых, только что обнаружилось, что крылышки, которым было суждено болтаться у нее за спиной, оказались несколько подпаленными. И как Софья не заметила этого раньше? Понятно – там, на складе, когда костюм был совершенно черным, но потом... И почему Танька не предупредила? Ведь это наверняка произошло при каких-то особых обстоятельствах! А во-вторых, занозой в душе засел Михаил Александрович Цереберов. И какого черта ему пришло в голову ей звонить!..

Что-то громко лязгнуло. Соня в испуге метнулась в сторону.

– Извини, – сказал Олег. – Совсем тихо не получилось. Зато теперь все.

– Подстрахуешь меня здесь?

– Конечно.

Соня прокашлялась и взяла в руки свечу. Потом она подумала, что для пущей убедительности хорошо что-нибудь петь. Тихонько так, высоким-высоким голосом. Как назло, ничего подходящего не вспоминалось. Зато прочно обосновала позиции в голове песня, слышанная в маршрутке, когда они с Рыбаком ехали сюда: «Черный бумер, черный бумер, стоп-сигнальные огни...» Соня решила, что если будет петь совсем тихо, а именно так должен петь настоящий ангел, то Верящая ничего не поймет. А потому, решительно пересту-

пая порог квартиры со свечой в руке, Соня замурлыкала себе под нос песенку про «черный бумер». Уже в гостиной она с досадой обнаружила, что тапочки неэстетично шаркают по полу.

Соне повезло. Спальню Верящей она обнаружила почти сразу.

Надежда Любовьевна напоминала спящую красавицу.

Спала она без одеяла, в кружевных трусиках и бюстгалтере.

Фигура ее отличалась идеальными пропорциями, а гладкое милое личико выражало безмятежность. Соня сама чуть не залюбовалась этим шедевром перекомбинации хромосом.

Словом, способность Верящей дарить мужчинам надежды не показалась Соне сверхъестественной. «Как хорошо, что Олега здесь нет!» – обрадовалась она и вспомнила, что ей необходимо играть роль.

Соня расправила крылышки и замурлыкала:

– Надежда-а! Надежда-а!

Та сладко потянулась и сексуально выгнула спинку.

– Надежда-а! – повторила Соня, взывая к грешной душе.

– Милый, это ты? – услышала Софья голос, который сразу ее смутил, так как должен был принадлежать настоящему ангелу.

– Раба божия Надежда!

Верящая пошевелилась. Мерцало в темноте пламя свечи.

– Кто там? – недовольно спросила она и открыла глаза.

– Это я! Твой ангел-хранитель!

– Господи всемогущий! – закричала Верящая и набожно перекрестилась.

– Я твой ангел-хранитель! – настойчиво повторила Соня. – Я пришел передать тебе предупреждение Господа!

«О том, как низко пала твоя грешная душонка!» – чуть было не вырвалось из уст, но она вовремя сдержалась.

– Как ты сюда попал?

– Мы, ангелы, – бесплотные существа. Нам нет нужды в греховном теле. Мы можем проникать сквозь любые двери.

– Но я ничего не сделала! Я ни в чем не согрешила! – Похоже, Надежду Любовьевну посетила паника. Соня с удовлетворением отметила этот факт. Еще немного, и наступит искреннее покаяние.

– Как же так? А грех прелюбодеяния?

– Но ведь я отмолила этот грех!

– Знаешь ли ты, что это – один из смертных грехов?

– Да, но Христос прощает все!

– Но ты ведь торговала не только телом, но и душой!

– К-как так, д-душой?

– Ты давала влюбленным в тебя людям надежды, а сама использовала их ради своей красивой жизни!

Соня почувствовала, что чепчик предательски сползает на лоб. Изящным, граничащим со святым величием, взмахом руки она исправила ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.